

Секция 2. ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН РЕГИОНА

«ЦЕРКОВНОЕ СЕРЕБРО», КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МОСКОВСКИХ ТРОФЕЕВ ВОИНСКИХ КОНТИНГЕНТОВ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

И. А. Груцо,

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

С событиями военной кампании 1812 г. связана история московских трофеев. Их основу составило так называемое «церковное серебро», то есть предметы внутреннего убранства культовых сооружений Москвы, а также слитки драгоценных металлов, в которые была переплавлена их наиболее громоздкая часть. Являясь предметом непреходящего интереса общественности, история «церковного серебра» выпала из поля зрения исторической науки. В этой связи обобщение и анализ информации письменных источников по обозначенной проблеме имеет научное значение.

Возникновению «церковного серебра» способствовала несогласованность действий гражданских и церковных властей по эвакуации имущества церквей и монастырей. Поскольку попытка московского Митрополита, Архиепископа Дмитровского, Архимандрита Августина вывезти из Саввиного монастыря мощи святого Саввы обернулась возмущением его прихожан, гражданский губернатор Москвы граф Растопчин запретил любые действия подобного рода [1, л. 5 об–6 об.]. В итоге, эвакуация предметов внутреннего убранства церквей и монастырей началась накануне оставления Москвы русской армией и вследствие нехватки времени и транспортных средств, была произведена частично.

Вступление в Москву наполеоновских войск обернулось пожаром и массовыми грабежами, причем в первую очередь им подверглись церкви и монастыри. Так, казначея Богоявленского монастыря иеромонах Аарона били в «две сабли по спине смертельно многократно, допрашивая, где золото и серебро» [2, л. 11 об.]. Из московского Страстного женского монастыря «похищено серебра 3 пуда 20 фунтов» [3, л. 2]. В Георгиевском девичьем монастыре «церкви разграблены, утварь и ризница иная была в кладовых закладена, иная зарыта, но все отыскано и расхищено» [4, л. 4], в московском Никитском девичьем монастыре «все церковное имущество хотя было ухранено, но которое найдено и все похищено» [5, л. 13 об.], в московском Сретенском монастыре «расхищены серебряные оклады, венцы, Евангелисты с Евангелиев» [6, л. 1]. Из церквей того же монастыря «лучшие вещи золотые и серебряные были вывезены и спасены», а оставленные серебряные оклады, венцы Евангелия – расхищены [7, л. 6]. Из Верхнеспасской придворной церкви при Кремлевском дворце похищены «серебряная риза образа Спасителя и серебряная рама» [8, л. 1 об.]. Полностью было разграблено внутреннее убранство 22 церквей Замоскворецкого сокола Москвы [9, л. 1 об.].

В Успенском соборе Московского Кремля в слитки было переплавлено паникадило – дар боярина Морозова весом 60 пудов серебра, изготовленное в Венеции в 1660 г. Часть их тут же в соборе была использована для чеканки монет [10, с.10].

В отдельных случаях церковное имущество удалось спасти, спрятав его в тайниках. В Богоявленском монастыре были сохранены «зарытые в землю: ...один образ в золотом окладе, 40 образов в серебряных окладах, украшенные камнями и жемчугом, 31 икона в серебряных ризах, крест архимандричий с камнями» [11, л. 12 об.], в церкви Живоначальной Троицы – «ризница серебра с пуд, книги и прочая утварь» [12, л. 21], в церкви во имя иконы Божией Матери «Грузинская» – «вся церковная утварь, так и образ иконы Божией Матери «Грузинская» [13, л. 9 об.]. Серебряное убранство собора Василия Блаженного также было спасено от расхищения [14, л. 1].

Мероприятия по сохранению церковного имущества проводились в такой спешке, что в пригодных для использования в качестве тайников местах оказались предметы различных церквей. Именно такой случай

описан в рапорте священника церкви «Николая Чудотворца что на Курьих Ножках» Василия Иванова. В качестве тайника им был использован колодец, но когда из него стали извлекать спрятанную утварь, то в числе «церковных сосудов оказались с надписью на имя церкви Рождения Богородицы, что на Пожарской» [15, л. 1].

В стремлении обрести в качестве трофеев как можно больше драгоценных металлов, хозяйничавшие в храмах Московского Кремля захватчики не щадили религиозных чувств россиян. Особенно ярко это проявилось в отношении святых мощей православного христианства, помещенных в изготовленные из серебра раки. Так, мощи «Благоверного царевича Дмитрия и святителя Московского и всея России Чудотворца были выброшены из Благовещенского собора, а серебро, которым были обложены мощи неприятель снял» [16, л. 1]. Точно также поступил неприятель и в отношении мощей этого же святого, хранившихся в Архангельском соборе [17, л. 2]. Часть его святых мощей (рука) была найдена по оставлении Москвы неприятелем около Успенского собора и сохранена крестьянином Деомидом Пименовым [18, л. 5]. Вдобавок из Архангельского собора были вывезены или переплавлены в слитки «серебряная рака с гроба святых мучеников черниговских» весом в три пуда, а также «серебряная риза с образа местного Архангела Михаила» весом полтора пуда [19, л. 1].

Российский император Александр I уделял большое внимание выяснению судьбы похищенного церковного имущества. Так, 19 ноября 1812 г. им был издан рескрипт, в котором командирам русской армии различного уровня предписывалось сообщать в Главный штаб или лично М. И. Кутузову об обнаружении похищенной в московских церквях серебряной утвари и других предметов [20, л. 30]. Тем самым получила официальное закрепление стихийно сложившаяся практика возврата церковным властям отбитого у неприятеля «церковного серебра». Первое упоминание о нем содержит письмо московского vicария епископа Дмитровского Августина от 25 сентября 1812 г., в котором шла речь «о получении отбитого у неприятеля церковного серебра и утвари» [21, л. 14 об.].

По мере развития контрнаступления, в рапортах из действующей армии все чаще стали появляться сообщения о трофеях подобного рода. Так 3 октября командир Казачьего корпуса М. И. Платов отрапортовал М. И. Кутузову «о препровождении церковного серебра отбитого у неприятеля Симферопольским конно-татарским полком, весом около пуда» [22, л. 43 об.]. 7 октября от него последовал рапорт «об отбитии Атаманским казачьим полком церковного серебра в сражении при Тарутино» [23, л. 2].

Рапорт командира 3-го резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова начальнику Главного штаба 3-ей Западной армии А. П. Ермолову «об отправлении в штаб армии отбитого у неприятеля серебра» датирован 8 октября [24, л. 74]. Командир Гвардейской пехотной бригады генерал-майор Г. В. Розен 8 ноября доложил дежурному генералу при Главнокомандующем всеми армиями генерал-лейтенанту П. П. Коновницину о «препровождении до десяти фунтов серебра церковного, представленного сотником Кутейниковым» [25, л. 192 об.] В дальнейшем, до окончания военной кампании из действующей армии рапортов подобного содержания не выявлено.

Впрочем, их могло и не быть в связи с реализацией солдатами и казаками права на трофеи. Такое предположение основано на факте «пожертвования 49 пудов серебра, отбитого казаками, на украшение Казанской церкви». Об этом М. И. Кутузов сообщил в письме от 23 декабря 1812 г. своей жене Е. И. Кутузовой [26, л. 22]. Лейб-гвардии Уланский полк пожертвовал «отбитое им у неприятеля 55 фунтов серебра в слитках» на постройку «храма во имя Спасителя Христа» и полковой церкви [27, л. 2 об.]. Пожертвование в Успенский собор на ризу к образу Благовещению Богородицы сделал генерал-майор П. Я. Корнилов. Для этой цели он скупил у солдат своего 28-го егерского полка после сражения на р. Березине 20 фунтов серебра, составивших их личные трофеи [28, л. 47].

Обобщение информации архивных и опубликованных источников раскрывает понятие «церковное серебро» и конкретизирует его состав, как части московских трофеев воинских контингентов Великой армии. Судьба похищенных из московских храмов культовых предметов из драгоценных металлов находилась в центре внимания как императора Александра I, так и командования русской армии. В соответствии с их распоряжениями, отбитое в ходе преследования неприятеля «церковное серебро» возвращалось Русской православной церкви.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. РГИА. – Ф. 797. Оп. 1. Д. 4449. Л. 20. Дело о принятии дел по сбережению церковного имущества в Москве.
2. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 197. Л. 10–11 об. Рапорт казначея Богоявленского монастыря иеромонаха Аарона викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о событиях происходивших в Москве 2 сентября–11 октября 1812 г., и разграблении монастыря французами.
3. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 641. Л. 1–2. Рапорт игуменьи московского Страстного женского монастыря Тавифы викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о состоянии монастыря и перечислении главных утрат. 5 ноября 1812 г.
4. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 641. Л. 4. Рапорт игуменьи Георгиевского девичьего монастыря митрополии викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о разграблении монастыря и ущербе, причиненном пожаром. 9 ноября 1812 г.
5. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 641. Л. 13–13 об. Рапорт игуменьи московского Никитского девичьего монастыря Маргариты викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о разграблении монастырского имущества и повреждении церкви Никиты Мученика и келий от пожара. 26 ноября 1812 г.
6. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 643. Л. 1. Рапорт строителя московского Сретенского монастыря иеромонаха Феофилакта викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о разграблении монастырского имущества.
7. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 643. Л. 6. Рапорт строителя Московского Сретенского монастыря.
8. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 1728. Л. 1–1об. Всенижайший доклад Верхнеспаской придворной церкви при Кремлевском дворце от протоирея Иоанна Алексеева с братию.
9. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1807. Л. 1–1 об. Ведомость о состоянии церковей Замоскворецкого сорока после нашествия неприятеля, составленная благочинным протоиреем Василием Семеновым для представления в канцелярию московской епархии. Ноябрь 1812 г.
10. Розанов, Н. П. Московские святыни в 1812 году: очерк / Н. П. Розанов; Изд. Церк. комис. по чествованию юбил. событий 1612, 1613 и 1812 г. – М.: [б. и.], 1912. – 71 с.
11. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 197. Л. 12–12 об. Ведомость к № 1. О сохранении церковного имущества.
12. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 197. Л. 21–21 об. Рапорт священника церкви Живоначальной Троицы в Троицкой слободе Сретенского сорока Г. С. Легонина викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину об ограблении храма французскими солдатами и совершении церковных служб в захваченной Москве. 27 февраля 1813 г.
13. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 197. Л. 9–9 об. Рапорт священника церкви «Во имя иконы Божией Матери «Грузинская», что на Воронцовом поле Иванского сорока, Василия Гаврилова викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о событиях, происходивших в Москве в сентябре – начале октября 1812 г.
14. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 1726. Л. 1. Всенижайший доклад Покровского и Василия Блаженного что на рву собора от протоирея Иоанна Платонова с братию.
15. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 638. Л. 1. Всенижайший доклад Причистинского сорока церкви Николая Чудотворца что на Курьих Ножках от священника Василия Иванова.
16. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 639. Дело об обретении Святых мощей Благоверного царевича Дмитрия и святителя Московского и всея России Чудотворца.
17. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 639. Всенижайший рапорт Августину Никитского сорока церкви Казанския пресвятыя Богородицы священника Василия Яковлева.
18. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 760. Д. 639. Всенижайший рапорт Августину Пречистинского сорока церкви Саввы Освященного священника Трофима Симеона.
19. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 1691. Л. 1. Нижайший доклад Московского кафедрального Архангельского собора протоирея Иакова Дмитриева с братию.
20. РГВИА. – Ф. 14414. Оп. 1. Д. 1. Л. 30. Рескрипт Александра I на имя главнокомандующего всеми армиями ген.-фельдм. Кутузова М. И. о расследовании обстоятельств похищения французами креста с колокольни Ивана Великого в Кремле.
21. РГВИА. – Ф. 14414. Оп. 1/291. Связка 68. Д. 9. Часть дела 11. Л. 14–14 об. Письмо московского викария епископа дмитровского Августина главнокомандующему всеми армиями ген.-фельдм. Кутузову М. И. о получении отбитого у неприятеля церковного серебра и утвари.
22. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 3509. Л. 43–43 об. Рапорт командира Каз. корпуса ген.-кав. Платова М. И. главнокомандующему всеми армиями ген.-фельдм. Кутузову М. И. о препровождении к нему церковного серебра, отбитого у неприятеля.

23. РГВИА. – Ф. 14414. Оп. 10/291. Связка 68. Д. 9. Часть связки 8. Л. 2. Рапорт командира Каз. корпуса ген.-кав. Платова М. И. главнокомандующему всеми армиями ген.-фельдм. Кутузову М. И. об отбитии Атаманским каз. полком церковного серебра в сражении при с. Тарутино 06 октября 1812 г.
24. РГВИА. – Ф. 103. Оп. 3. Д. 28. Л. 74. Рапорт командира 1-го рез. кав. корпуса ген.-лейт. Уварова Ф. П. нач. Главного штаба 1-й Западной армии ген.-лейт. Ермолову А. П. об отправке в штаб армии отбитого у неприятеля серебра.
25. РГВИА. – Ф. 846. Оп. 16. Д. 3510. Л. 192–192 об. Рапорт командира Гв. пех. бриг. ген.-майора Розена Г. В. деж. ген. при главнокомандующем всеми армиями ген.-лейт. Коновницыну П. П. о передаче захваченных документов маршала Даву Л.-Н. и отбитого церковного серебра.
26. РГВИА. – Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 21–22. Письмо главнокомандующего всеми армиями ген.-фельдм. Кутузова М. И. жене Кутузовой Е. И. об успешном наступлении русской армии в Курляндии; решении пожертвовать 40 пудов серебра, отбитого казаками, на украшение Казанской церкви.
27. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 352. Л. 2–2об. Дело о пожертвовании лейб-гвардии Уланского полка.
28. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 203. Оп. 752. Д. 192. Л. 46–47. Отношение шефа 28-го егерского полка генерал-майора П. Я. Корнилова викарию Московской епархии епископу Дмитровскому преосвященному Августину о препровождении церковного серебра, отбитого у французов в сражении при р. Березине.

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЕЛАРУСИ И ТУРКМЕНИСТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. В. Дубинин,

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории,

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

В Беларуси развитие культуры является одним из приоритетных направлений государственной политики. Особое внимание в стране уделяется международному культурному сотрудничеству Беларуси со странами СНГ. Правовая база международного культурного сотрудничества Беларуси получила законодательное оформление в «Кодексе Республики Беларусь о культуре». [1] В этом документе определены задачи, принципы, направления и правовые основы государственного культурного сотрудничества.

В «Кодексе Республики Беларусь о культуре» отмечается, что задачами субъектов культурной деятельности при осуществлении международного культурного сотрудничества являются: обогащение культурной жизни белорусского народа, приобщение граждан, проживающих в Республике Беларусь, к ценностям мировой культуры; ознакомление мировой общественности с культурой Беларуси; интеграция белорусской национальной культуры в мировую культуру и мировое информационное пространство.

При этом одним из направлений государственной политики нашей страны является содействие международному сотрудничеству в сфере культуры. Белорусская культура ориентирована на налаживание многоаспектного межкультурного сотрудничества с другими странами. Применительно к странам СНГ много внимания в этом вопросе отводится белорусско-туркменскому сотрудничеству в области культуры.

Белорусский и туркменский народы обладают большим историческим опытом и богатыми культурными традициями, которые опираются на солидную правовую базу и наработанный опыт. Взаимодействие в сфере культуры играет позитивную роль в отношениях между нашими странами, в сближении и взаимопонимании наших народов.

Ход новейшей истории Беларуси показал, что слова А. В. Луначарского, о том, что «нам нужна культура, начиная с грамоты и кончая наукой, культура в области мысли и культура в области чувства», в XXI веке воплотились в нашу жизнь. [2, с. 164]

Культурное взаимодействие Беларуси и Туркменистана на рубеже третьего тысячелетия развивается на основе модели взаимовыгодного культурного сотрудничества с учетом специфики и признания ценности каждой из культур и носит характер межкультурного диалога. На данном этапе усиливаются межкультурные обмены, проводятся совместные мероприятия, активизируется деятельность в рамках межгосударственного сотрудничества.